

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ/POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.161.3>

ЦИФРОВАЯ ДИХОТОМИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ: АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ РАДИКАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Научная статья

Дегоян Т.М.^{1,*}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (degoyan tamara95[at]mail.ru)

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ радикализации политического процесса в постсоветском пространстве, включая влияние цифровых технологий и институциональных противоречий. Рассматриваются теоретико-методологические подходы к исследованию радикализации, изучается парадоксальная роль цифровой среды в процессе мобилизации граждан и контроля со стороны государства. Особое внимание уделяется институциональным кризисам, способствующим эскалации протестных движений, а также механизмам перехода от латентного недовольства к активным формам политической активности. В сравнительном анализе рассматриваются примеры Беларуси, Казахстана и Грузии, позволяющие выявить ключевые закономерности радикализации. Практическая значимость исследования заключается в разработке аналитических методик мониторинга политической напряжённости и прогнозирования экстремальных политических процессов.

Ключевые слова: радикализация, цифровые технологии, институциональные противоречия, протестные движения, постсоветское пространство.

DIGITAL DICHOTOMY AND INSTITUTIONAL CONTRADICTIONS: ANALYSIS OF THE MECHANISMS OF RADICALISATION OF THE POLITICAL PROCESS IN THE POST-SOVIET SPACE

Research article

Дегоян Т.М.^{1,*}

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (degoyan tamara95[at]mail.ru)

Abstract

The article provides a complex analysis of the radicalisation of the political process in the post-Soviet space, including the influence of digital technologies and institutional contradictions. It examines theoretical and methodological approaches to the study of radicalisation and explores the paradoxical role of the digital environment in the process of citizen mobilisation and state control. Particular attention is paid to institutional crises that contribute to the escalation of protest movements, as well as to the mechanisms of transition from latent discontent to active forms of political activity. The comparative analysis examines examples from Belarus, Kazakhstan, and Georgia, which allow to identify key patterns of radicalisation. The practical significance of the research lies in the development of analytical methods for monitoring political tensions and predicting extreme political processes.

Keywords: radicalisation, digital technologies, institutional contradictions, protest movements, post-Soviet space.

Введение

Радикализация политического процесса на постсоветском пространстве является многомерным явлением, формирующимся под влиянием комплекса факторов, включая институциональную нестабильность, цифровизацию общественных коммуникаций и специфику историко-культурного развития. Кризисные явления в политических системах, сочетающиеся с противоречивыми процессами трансформации государственных институтов, способствуют возникновению экстремальных политических течений. Данные движения выступают не только как инструмент социального протesta, но и как стратегия адаптации политических субъектов к условиям динамично изменяющейся реальности [7, С. 72].

Цель данного исследования заключается в проведении системного анализа факторов радикализации политических процессов на постсоветском пространстве, с акцентом на влияние цифровой дихотомии и институциональных дисфункций как ключевых детерминант экстремизации политического участия. В рамках работы также предполагается разработка методологических оснований для мониторинга и прогнозирования указанных тенденций.

Роль цифровых технологий в данном контексте носит дуалистический характер: с одной стороны, они способствуют оперативной мобилизации гражданских групп, а с другой — предоставляют государственным акторам инструментарий для воздействия на общественное мнение. Подобная амбивалентность цифровой среды не только интенсифицирует протестную активность, но и создаёт условия для усиления государственного контроля над информационной сферой [8, С. 190].

Исследование феномена радикализации предполагает углублённое рассмотрение институциональных дисбалансов, характерных для постсоветских государств, где формальные политические институты зачастую оказываются неспособными обеспечить эффективный механизм общественного диалога. Сравнительный подход к

изучению политической динамики в Беларуси, Казахстане и Грузии даёт возможность выявить устойчивые паттерны мобилизационных процессов, а также установить диалектическую роль цифрового пространства, которое, в зависимости от контекста, может выступать как фактором активизации протестных движений, так и инструментом их сдерживания со стороны властных структур [5, С. 47].

Основная часть

2.1. Теоретико-методологические подходы к изучению радикализации

Феномен радикализации политических процессов представляет собой междисциплинарный объект научного анализа. В историографии вопроса особое значение приобретают фундаментальные работы, раскрывающие механизмы трансформации социального недовольства в структурированные формы политического протesta. В этом контексте особого внимания заслуживает теория политической мобилизации, фокусирующаяся на исследовании организационных стратегий и ресурсной базы, обеспечивающих переход от диффузного общественного недовольства к скоординированным массовым действиям [4, С. 110].

Не менее значимый вклад вносит парадигма социальных конфликтов, интерпретирующая протестную активность как реакцию на системные диспропорции в институциональной и экономической сферах. Данная концептуальная рамка позволяет рассматривать процессы радикализации как производные от:

- а) динамики властных отношений;
- б) конкуренции за дефицитные ресурсы;
- в) структурных детерминант политической нестабильности [6, С. 130].

Эмпирические наблюдения подтверждают, что кумуляция социальной фрустрации на фоне перманентных системных кризисов закономерно приводит к эскалации протестных практик.

Институциональный подход, акцентирующий проблемы легитимности и трансформации власти, предлагает дополнительные объяснительные модели. Современные исследования демонстрируют, что кризис традиционных политических институтов, выражающийся в их неспособности обеспечивать базовые общественные потребности, создает предпосылки для формирования альтернативных (в том числе маргинальных) форм политической самоорганизации [3, С. 55]. В данном ракурсе радикализация предстает как комплексный ответ на институциональную деградацию, интенсифицируемую амбивалентным воздействием цифровых технологий, способных одновременно катализировать как демократизацию, так и деструктивные социальные процессы.

2.2. Цифровая дилемма: неравенство и мобилизация

Амбивалентность цифровых технологий в современном политическом процессе проявляется в их дуалистической функциональности. С одной стороны, цифровые коммуникационные платформы (социальные сети, мессенджеры, блог-платформы) выступают действенным инструментом политической мобилизации, обеспечивая оперативное распространение информации, координацию протестных акций и формирование альтернативных информационных потоков [10, С. 82]. Данная функция приобретает особую значимость в условиях ограниченного доступа к независимым традиционным СМИ, когда цифровая среда становится ключевым пространством для формирования гражданской повестки.

С другой стороны, наблюдается инструментализация цифровых технологий государственными акторами, выражаясь в системном мониторинге цифровых коммуникаций, селективном цензурировании контента, а также применении алгоритмического управления информационными потоками [8, С. 195]. Такой технологический дуализм приводит к парадоксальной ситуации, когда идентичные цифровые платформы одновременно способствуют демократизации публичной сферы и усиливают авторитарные практики социального контроля. Этот дилемматический эффект существенно актуализирует проблему технологически опосредованной конфронтации между институтами власти и гражданским обществом.

2.3. Институциональные противоречия как катализатор радикализации

Политическая реальность постсоветских государств характеризуется устойчивым институциональным дуализмом, при котором декларируемые демократические нормы и процедуры сосуществуют с неформальными практиками авторитарного управления. Такой разрыв между формальными институтами и фактическими механизмами осуществления власти неизбежно приводит к эрозии легитимности государственных структур. Отсутствие действенных каналов политического представительства и низкая эффективность государственного управления способствуют поиску гражданами альтернативных, зачастую внесистемных способов выражения протеста [5, С. 50].

Эволюция протестной активности в регионе демонстрирует прямую зависимость между дефицитом демократических институтов и радикализацией общественных настроений. Глубокое противоречие между конституционными нормами и авторитарными методами управления не только усиливает недоверие к власти, но и провоцирует трансформацию мирных форм протesta в экстремистские действия. Данная динамика сопровождается ужесточением репрессивных мер со стороны государства и параллельным формированием подпольных политических структур, что в совокупности приводит к значительному усложнению политического ландшафта и дальнейшей дестабилизации общественно-политической ситуации [11, С. 87].

2.4. Механизмы радикализации: от недовольства к действию

Процесс радикализации политического процесса развивается по определенной фазовой модели. Первоначальная стадия характеризуется кумуляцией скрытого социального недовольства, обусловленного такими факторами, как экономическая нестабильность, системная коррупция, нарушения базовых прав человека и дисфункция политических институтов [14, С. 102]. Критическое значение на данном этапе приобретает способность социума к артикуляции и структурированию этих негативных настроений.

Последующая фаза предполагает переход к массовой политической мобилизации, где ключевую роль играют цифровые коммуникационные технологии. Социальные сети и виртуальные сообщества становятся важнейшими платформами для оперативного обмена информацией, разработки протестных стратегий и консолидации различных

социальных групп [14, С. 104]. Примечательно, что радикализация протестной активности часто интенсифицируется в ответ на репрессивные действия государственных структур, которые, ограничивая возможности мирного диалога, провоцируют участников протеста на применение более агрессивных тактик.

Таким образом, динамика радикализации представляет собой последовательную трансформацию от пассивного недовольства к активным формам политического противостояния с последующей эскалацией конфликта. Характерной особенностью данного процесса является бифуркационная роль цифровых технологий, которые одновременно служат как инструментом мобилизации протестного движения, так и средством государственного контроля над информационной сферой. Эта двойственность в конечном итоге способствует переходу от институционализированных форм политического участия к прямым насилиственным столкновениям.

2.5. Сравнительный анализ кейсов: Беларусь, Казахстан, Грузия

Белорусский кейс (2020 г.) Политический кризис в Республике Беларусь достиг кульминации в период президентской избирательной кампании 2020 года, когда системные ограничения политической конкуренции (включая отказ в регистрации оппозиционных кандидатов), масштабные электоральные нарушения и применение насилия против гражданских активистов спровоцировали беспрецедентную волну протестной активности. Особенностью белорусского протesta стала его цифровая инфраструктура: Telegram-каналы и социальные сети выполняли критически важные функции по оперативной мобилизации участников и формированию альтернативного информационного пространства [5, С. 72]. Государственные репрессии, однако, привели не к подавлению сопротивления, а к его трансформации — переходу в латентную фазу с активизацией деятельности независимых медиа и виртуальных дискуссионных площадок.

Казахстанский сценарий (2022 г.) В Казахстане протестная динамика продемонстрировала классическую модель эскалации от социально-экономических требований к политическим. Изначально вызванные ростом цен на энергоносители массовые выступления быстро приобрели характер системного кризиса вследствие институциональной закрытости политической системы и отсутствия механизмов диалога между властью и обществом. Ответные меры властей (интернет-блокировки, применение вооруженных сил) подтвердили тезис о том, что институциональная неспособность к артикуляции и агрегации общественного недовольства неизбежно ведет к радикализации протеста [14, С. 102].

Грузинская модель (2019–2023 гг.) В отличие от рассмотренных случаев, грузинские протестные движения развиваются в условиях относительно плюралистической политической системы. Однако циклический характер протестной активности свидетельствует о наличии структурных проблем, связанных с чередованием политических и экономических кризисов. Примечательной особенностью является роль цифровых технологий в политизации молодежи и распространении как умеренных, так и радикальных политических нарративов [6, С. 135], [10, С. 82], [11, С. 89]. Хотя развитое гражданское общество и конкурентная партийная система выполняют стабилизирующую функцию, наблюдаемые тенденции к ограничению медиа-свобод и судебным реформам вызывают опасения относительно возможной дестабилизации в перспективе.

Заключение

Анализ радикализации политических процессов в постсоветских государствах выявляет их полифакторную природу, обусловленную сложным взаимодействием цифровых, институциональных и социокультурных детерминант. Амбивалентность цифровых технологий проявляется в их двойственной функции: с одной стороны, они выступают катализатором гражданской мобилизации, с другой — инструментом усиления государственного надзора, что способствует углублению социальной поляризации. Институциональные дисфункции, выражющиеся в противоречивости управленческих механизмов, провоцируют кризис легитимности власти и стимулируют поиск альтернативных (нередко экстремальных) форм политической активности.

Сравнительное исследование кейсов Беларуси, Казахстана и Грузии демонстрирует вариативность траекторий радикализации, детерминированную уровнем институциональной проницаемости политических систем, степенью цифрового контроля и особенностями социокультурного контекста. Белорусский сценарий иллюстрирует, что даже высокоорганизованные цифровые протестные сети могут подвергаться системным репрессиям, приводящим к трансформации открытого сопротивления в латентные формы. Казахстанский опыт свидетельствует о прямой корреляции между отсутствием институциональных каналов политического диалога и стремительной эскалацией протеста до уровня общенационального кризиса. Грузинский пример, в свою очередь, указывает на сдерживающий потенциал развитых гражданских институтов, хотя и не исключает рисков радикализации под влиянием цифровых факторов.

Настоящее исследование обладает значительной практической ценностью, предлагая научно обоснованные методы диагностики и прогнозирования радикальных политических процессов. Выработанный концептуальный аппарат позволяет не только отслеживать динамику социально-политической напряженности, но и разрабатывать превентивные стратегии регулирования. Полученные выводы создают теоретическую базу для совершенствования государственной политики в сферах информационного управления и институционального диалога, обеспечивая органам власти и аналитическим структурам возможность своевременно адаптировать механизмы взаимодействия с гражданским обществом и минимизировать риски эскалации экстремистских проявлений.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.161.3.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.161.3.1>

Список литературы / References

1. Арутюнян Ю.В. Российская политическая система: традиции и вызовы / Ю.В. Арутюнян. — Москва: Эксмо, 2008. — С. 88–93.
2. Гаджиев К.С. Постсоветская политика: институты и динамика / К.С. Гаджиев. — Москва: Институт политологии, 2007. — С. 65–70.
3. Даль Р.А. Демократия: критический анализ / Р.А. Даль. — Москва: Наука, 2001. — С. 55–63.
4. Липсет С.М. Социальные предпосылки демократии и авторитаризма / С.М. Липсет. — Санкт-Петербург: Питер, 1999. — С. 108–112.
5. Сморгунов Л.В. Политическая трансформация в России / Л.В. Сморгунов. — Москва: Изд-во РАН, 2005. — С. 45–52.
6. Тилли Ч. Коллективное действие: теория мобилизации / Ч. Тилли. — Москва: Речь, 2003. — С. 130–135.
7. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. — Москва: РОССПЭН, 2003. — С. 72–75.
8. Castells M. The Rise of the Network Society / M. Castells. — Oxford: Blackwell Publishers, 1996. — P. 190–200.
9. Ivanov I.P. Digital Manipulation and State Control: Post-Soviet Experience / I.P. Ivanov. — Moscow: INFRA-M, 2010. — P. 112–117.
10. Kilian E. Digital Politics and Civic Engagement / E. Kilian. — Oxford: Oxford University Press, 2008. — P. 82–87.
11. Levitsky S. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War / S. Levitsky, L.A. Way. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — P. 87–94.
12. McCarthy J.D. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory / J.D. McCarthy, M.N. Zald // American Journal of Sociology. — 1977. — Vol. 82 (6). — P. 1212–1241.
13. McFaul M. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies / M. McFaul. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. — P. 77–81.
14. Way L.A. Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics / L.A. Way. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. — P. 100–108.
15. Zald M.N. Social Movements and Political Participation / M.N. Zald. — London: Sage Publications, 2006. — P. 95–99.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arutjunjan Ju.V. Rossijskaja politicheskaja sistema: tradicii i vyzovy [The Russian political system: traditions and challenges] / Ju.V. Arutjunjan. — Moscow: Eksmo, 2008. — P. 88–93. [in Russian]
2. Gadzhiev K.S. Postsovetskaja politika: instituty i dinamika [Post-Soviet Politics: Institutions and Dynamics] / K.S. Gadzhiev. — Moscow: Institute of Political Science, 2007. — P. 65–70. [in Russian]
3. Dal' R.A. Demokratija: kriticheskij analiz [Democracy: A Critical Analysis] / R.A. Dal'. — Moscow: Nauka, 2001. — P. 55–63. [in Russian]
4. Lipset S.M. Social'nye predposyлki demokratii i avtoritarizma [Social prerequisites for democracy and authoritarianism] / S.M. Lipset. — St.Petersburg: Piter, 1999. — P. 108–112. [in Russian]
5. Smorgunov L.V. Politicheskaja transformacija v Rossii [Political transformation in Russia] / L.V. Smorgunov. — Moscow: Publishing House RAS, 2005. — P. 45–52. [in Russian]
6. Tilli Ch. Kollektivnoe dejstvie: teorija mobilizacii [Collective action: the theory of mobilisation] / Ch. Tilli. — Moscow: Rech', 2003. — P. 130–135. [in Russian]
7. Hantington S. Tret'ja volna. Demokratizacija v konce XX veka [A third wave. Democratisation at the end of the XX century] / S. Hantington. — Moscow: ROSSPJeN, 2003. — P. 72–75. [in Russian]
8. Castells M. The Rise of the Network Society / M. Castells. — Oxford: Blackwell Publishers, 1996. — P. 190–200.
9. Ivanov I.P. Digital Manipulation and State Control: Post-Soviet Experience / I.P. Ivanov. — Moscow: INFRA-M, 2010. — P. 112–117.
10. Kilian E. Digital Politics and Civic Engagement / E. Kilian. — Oxford: Oxford University Press, 2008. — P. 82–87.
11. Levitsky S. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War / S. Levitsky, L.A. Way. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — P. 87–94.
12. McCarthy J.D. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory / J.D. McCarthy, M.N. Zald // American Journal of Sociology. — 1977. — Vol. 82 (6). — P. 1212–1241.
13. McFaul M. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies / M. McFaul. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. — P. 77–81.
14. Way L.A. Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics / L.A. Way. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. — P. 100–108.

15. Zald M.N. Social Movements and Political Participation / M.N. Zald. — London: Sage Publications, 2006. — P. 95–99.